

зависть, обман станут исключением. То, что это практически реализуемые идеи убедились в Беларуси. За относительно короткое постсоветское время в рамках реализации мероприятий, связанных с дожинками, эффективно заявила о себе программа благоустройства малых и средних городов, аграрных городков. Грязь, необустроенность и связанная с ними запущенность улиц, зданий сменились эстетически привлекательными, благоустроенными местами для труда и жизни.

Начавшаяся в аграрном секторе модернизация показала, что современная профессиональная деятельность должна сочетаться с гуманитарным пространством жизни. Теперь эти апробированные критерии будут применены к лесной промышленности, где беспорядок, грязь нередко сочетаются с бесхозяйственностью, потерей значительных финансовых средств.

Накопленный белорусскими специалистами опыт системотехнической модернизации аграрного сектора распространился на все сферы деятельности и позволил приобрести уровень реализации комплексных решений, необходимых в рамках индустриализации. Этот опыт интересен для государств Средней Азии, где имеются значительные природные и людские ресурсы, но не хватает человеческого капитала, способного их соединить с технологическими решениями. Эта потребность и формирует новое содержание философии межкультурных отношений. Для нее апробирована методология кластерного подхода к деятельности. Она уже инициирована в России. Пилотным стал проект Сколково. В образовательном пространстве России реализуется программа создания университетских кампусов. Одним из первых стал Дальневосточный федеральный университет.

Цель деятельности кафедры философских учений состоит в создании учебного пособия по евразийской философии; организация конференций; разработке и реализации совместных проектов с вузами России, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана.

***Божанов В.А.* Восточное славянство как преломление евразийского пространства**

Понятия «запад» и «восток» исторически сложились и сегодня представляют устойчивые идеологемы. С одной стороны, «запад»

как цитадель мировой цивилизации, как пространство индустриального прогресса, и в то же время меркантильности, рационализма, выгоды, индивидуализма. С другой, - «восток», следующий за Западом и предстающий как пространство коллективизма, бесшабашности, консерватизма и бесхозяйственности.

Несомненно, подобная альтернатива сложилась в Европе не случайно. Многие племенные группы Западной Европы прошли значительную выучку в рамках Римской государственности, приобрели весьма значительные и полезные общие ценности (религия, социально-экономический уклад, право, просвещение, образование, литература, нормы государственности и т.д.) и поэтому, по греческой и римской традиции, считали все остальные сообщества дикими племенами, варварами. На Востоке же жизнь складывалась в основном «с чистого листа», во многом стихийно, в каждой стране по-своему.

Если говорить о восточных славянах, то они оказались зажатыми между кочевой, малопроизводительной по тому уровню производительных сил степью и хорошо организованной от нападений кочевников Европой. В.О. Ключевский подчеркивал, что гористая западноевропейская местность позволяла отдельным племенным группам обособляться и закрепляться на постоянное место жительства, что способствовало прогрессу их хозяйственной жизни. Морские просторы на западе, севере и юге обезопасили их жизнь и открывали возможности для контактов с другими территориями и народами.

Набеги на русские княжества степняков сопровождалась невиданным разграблением, насилием, пожарищами. На протяжении нескольких веков восточные славяне оставались привычным для степных племен местом поживы. Татаро-монгольское иго на несколько веков прервало поступательное развитие восточных славян. В то же время Западная Европа оказалась прикрытой от степных набегов восточнославянским щитом.

Жемчужиной исторической судьбы восточных славян стали к началу IX в. торговые связи, развернувшиеся вдоль трансевропейской магистрали по течению Днепра. Водная артерия с многочисленными притоками соединила огромное пространство от Скандинавии до Хазарии. На некоторое время княжества забыли

претензии друг к другу и потянулись к сотрудничеству с Киевским княжеством. Это было выгодно, надежно. И прежде, и теперь историки расходятся в оценках созданной на этом торговом пути Киевской Руси. А.Е. Тарас делает смелый вывод о том, что восточным славянам удалось создать собственную самобытную цивилизацию [1, с. 489].

Тарас не приводит убедительных доказательств своего тезиса. Википедия выделяет такие черты цивилизации, как стабильность и способность к саморазвитию, цельность экономических, политических, социальных и духовных сфер жизни социума, единство территории и доминирование слоя, концентрирующего в своих руках исполнительные и административные функции. Киевская Русь, на мой взгляд, представляла единое экономическое пространство, на котором значительной части восточных славян было выгодно сотрудничать с соседями и Киевом, чтобы приобщиться к интенсивным торговым потокам Днепро-Волжского водного бассейна. Однако ввиду слабой заселенности этого пространства, киевским князьям не удавалось создать государство с единой централизованной властью, прочной налоговой и правовой системами. По различным обстоятельствам княжества периодически отказывались платить Киеву дань, поставлять воинов для военных походов, ходили войной друг на друга, беспощадно сжигая и грабя братьев-славян. Киевская Русь была неустойчивым формированием и на Западе ее не воспринимали как государственное целое.

Этим воспользовались более энергичные и организованные соседи в лице Польши и Литвы. Многие русские князья переходили на их сторону, а великокняжеский престол чуть не оказался в руках чужестранцев.

Значительное историческое время восточные славяне оказались втянутыми в отношения со степными племенами, особенно с татаро-монгольской Золотой Ордой. Отношения эти далеки были от дружелюбия и добрососедства. Мечом и огнем наказывала Орда непослушных русских князей, обычным были вероломство, хитрость, обман, несоблюдение договоров, обещаний. Вольно или невольно русские князья перенимали азиатский деспотизм и проявляли его между собой, не брезгуя прибегать к помощи ордынских воинов.

Наиболее активно восточные славяне стали вмешиваться в общеевропейские дела лишь в XVI в., вступив в долгую и драматическую борьбу за выход к морю. Для Русского государства это стало альфой и омегой внутренней и внешней политики на несколько столетий. Европейцы воспринимали русских как представителей грозной и опасной восточной степи. Тем более, что степные племена постепенно, кто силой, кто добровольно, входили под власть Москвы.

История восточных славян свидетельствует о том, что восточно-евразийское пространство в виде Московской Руси и кочевых народов степей существовало с раннего средневековья, приобрело характер тесного взаимодействия в экономической, политической, социальной сферах. И все же помимо военных столкновений между степняками и восточными славянами происходил обмен товарами, языковыми терминами, усваивались элементы обрядов, праздников и т.д. То есть так или иначе определенная интеграция сторон происходила.

Как утверждает А. Дугин, осевым народом, в наибольшей степени отождествившимся с глобальной геополитической функцией стали великороссы – восточнославянский этнос, являющийся не только самым многочисленным, но и самым субъектным с геополитической точки зрения. Великороссы стали этническим ядром евразийства, остовом мощного геополитического субъекта, вокруг которого сплотились как остальные славяне евразийской ориентации, т.е. собственно «православные славяне» (малороссы, белорусы, сербы, болгары), так и другие этносы, как православные (грузины, румыны, молдаване), так и неправославные (татары, угры, якуты, армяне, азербайджанцы и т.д.) [2].

Созданный в 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик являл собой уже не только пример евразийского пространства, но и его геополитическую государственную форму. Однако распад СССР в 1991 г. продемонстрировал неконкурентность евразийства в условиях жесткой политической власти. Так же как в свое время «абортивная» (А. Тойнби) попытка создания поляками совместно с белорусами, русскими и литовцами католико-православного государства западных и восточных славян. Столь же неопределенной остается уже 15-летняя история Союзного государства Беларуси и России. Евroatлантическая модель

оказалась явно выигрышной, более прочной на испытания и внутреннюю сплоченность.

На каких же основах может уверенно развиваться евразийское сообщество? Во-первых, не на основе возрождения советского евразийства. Россия не сможет выйти из статуса «старшей среди равных». Неравенство не может быть основанием евразийства. Во-вторых, необходимо ясно и четко определиться в данном случае с понятием «евразийство». Речь, конечно, не идет о глобальном, материковом единстве Европы и Азии. Такой супергигант с суперразличиями между странами сегодня невозможен и не нужен. Да и опасен. Значит инициаторы евразийства должны определить его узкий аспект, направленный на определенные страны Азии и Европы. В-третьих, на какой базе необходимо формировать евразийство? По всей видимости, ни политический, ни межгосударственный, ни военный аспекты здесь неприемлемы. Экономический интерес? – Да! Евразийская стратегия должна быть совершенно новой и основываться не на государственно-национальных и не на догматически-идеологических, не на провалившихся советских основаниях, а сугубо экономических, неконфронтационных, взаимовыгодных.

Пока не определен вектор развития евразийства, этот проект будет возбуждать осторожность и недоверие. По крайней мере, к Таможенному союзу России, Казахстана и Беларуси другие субъекты Азии и Европы не торопятся присоединиться, даже восточнославянская Украина или братья-болгары. Бывшие же среднеазиатские советские республики еще не прошли необходимый путь наслаждения собственным суверенитетом и потому даже не заявляют о возможной перспективе вхождения в Таможенный Союз. Да и внутри тройственного союза не столь интенсивно и эффективно идут интеграционные процессы.

При этом надо иметь в виду, что в мире действуют весьма сильные межрегиональные структуры с участием европейских, азиатских и американских государств. Активно расширяется организация Транс-Тихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), в которую входят Чили, Новая Зеландия, Сингапур и Бруней. Ведут переговоры о вступлении в ТРП Япония, США, Австралия, Малайзия, Перу, Вьетнам, Канада и Мексика. Власти Китая, Японии и Южной Кореи начали первый раунд переговоров о

создании торгового блока, который может стать третьим по величине после Северной Америки и Европейского союза. Эти страны производят 20% мирового ВВП [3].

Совершенно невозможно заранее утверждать, какими путями пойдет дальнейшее развитие евразийства. Многое зависит от гибкости, взаимной заинтересованности, целей и взаимного доверия европейских и азиатских субъектов, надежности подобного интеграционного проекта.

Литература

1. Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века / Составление, перевод, научное редактирование А.Е. Тараса / - Минск, 2010. – 544 с.
2. Дугин А. Славянский мир и основные тенденции геополитики. М. 2001
3. tut.by – Дата выхода 27.03.2013 г. 11.45

Короткая Т.П. Религия в социокультурном пространстве Беларуси: теоретико-методологические проблемы исследования

С начала 90-ых годов прошлого века в Республике Беларусь отмечается рост религиозности всех слоев населения. Религиозный фактор начинает играть важную роль в общественно-политической, духовной жизни Республики Беларусь. Это связано с демократизацией общественной жизни, одним из характерных проявлений которого стало изменение отношения государства, общества в целом к религии и церкви. На смену критике религии и церкви пришли идеи о том, что религия является основой национальной культурной традиции, тесно связана с морально-этическими, духовными ценностями народа. Одновременно с этим расширяется круг научных исследований в области религии. Прежде всего, начинает активно **разрабатываться историческое религиоведение или история религии**. История религии исследует многообразие религий, прежде всего, представленных в социокультурном пространстве Беларуси. Этот раздел религиоведческого знания опирается на выводы истории, этнографии, сравнительной лингвистики и т.п. Как известно, до 90-х годов XX века работ по конфессиональной истории было чрезвычайно мало; фактически этот аспект национальной истории и